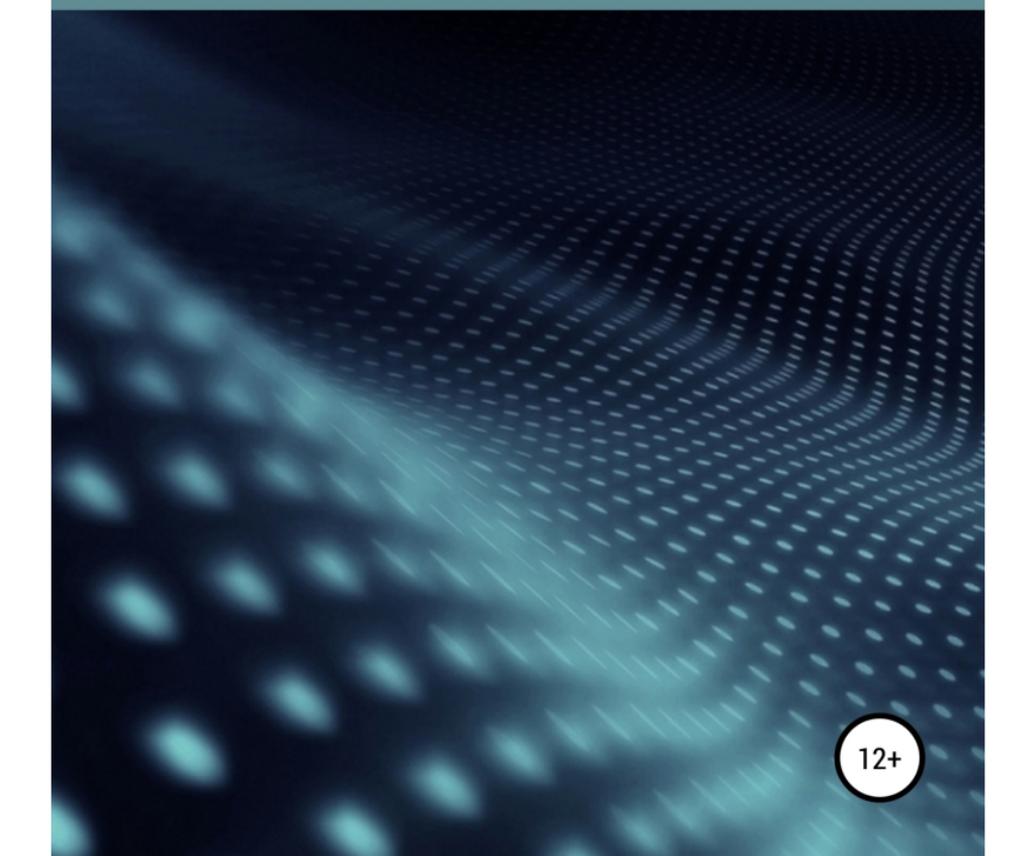

Виталий Козюра

Слонь Разума

или Размышления о Сознании и
Бытии

12+

Виталий Козюра Слонь Разума, или Размышления о Сознании и Бытии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64420996
SelfPub; 2021*

Аннотация

Природа сознания остается тайной. Именно непонимание в этом вопросе ответственно за все остальные философские непонятки. В данном тексте утверждается, что познание мира в сегодняшних формах не способно построить удовлетворительную модель сознания. Как следствие, базовые философские вопросы будут и далее оставаться в зоне субъективного принятия решений. Причиной невозможности удовлетворительной модели сознания является матрица сознания – принципиальная замкнутость сознания на себя. Располагаясь в бесконечном пределе рациональных рассуждений, матрица сознания вынуждает нас прибегнуть к интуитивному познанию. Вполне возможно, что приведенные в тексте рассуждения и достигнутая интуиция – единственное, чего можно достичь в деле познания сознания.

Виталий Козюра

Слонь Разума, или

Размышления о

Сознании и Бытии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему, несмотря на столь стремительный прогресс в познании мира, основные философские вопросы по-прежнему далеки от своего решения? Так, например, среди людей занимающихся научным познанием, можно встретить всю палитру представлений о сущности самого познания. Некоторые утверждают, что наука в целом уже разобралась с тем, как на самом устроен мир и все дальнейшее её развитие – это уточнение многочисленных деталей. Другие считают, что познание – это бесконечный процесс, только сходящийся в пределе к некоторой Истине, к пониманию положения вещей на самом деле. Третьи скажут, что сегодняшнее состояние науки – это набор парадигм, которые со временем будут заменены на другие, совершенно отличные от сегодняшних парадигмы. И никакого сходящегося к Истине процесса здесь не было и нет. Кто-то считает, что возможности науч-

ного познания принципиально ограничены и за этими границами наука должна уступить место философии и религии. И, естественно, другие с этим принципиально не согласны. Найдутся и те, кто призовут подвергнуть критическому языковому анализу сами понятия «познание мира» и «истина». Возможно, скажут они, многие рассуждения с использованием таких понятий попросту некорректны с языковой точки зрения. Ну и наконец, есть немало людей, считающих любое философствование бессмысленным, ни к чему не ведущим занятием и признающих лишь вычислительный процесс и экспериментальную проверку.

Среди вполне образованных людей есть как убеждённые верующие различных религий и конфессий, так и убеждённые атеисты. Есть люди, допускающие, что воспринимаемая нами Вселенная является компьютерной симуляцией или Матрицей и убеждённые материалисты, не допускающие таких вариантов. Заметим, что речь здесь идёт не о тех вопросах, которые порождаются естественным образом в результате развития познания, как, например, природа темной материи или причина преобладания вещества над антивеществом. Вопросы о парадигмах и Матрице – это всё те же вопросы о сущности познания и бытия, о которых рассуждали ещё античные философы.

А есть еще экзотика наподобие солипсизма, который всё так же остаётся логически неопровержимым, вкуче с утверждением о том, что наш мир в его нынешнем состоянии по-

рождён в прошлую среду. И эти очевидные глупости, совершенно не поддающиеся опровержению, наглядно демонстрируют, что что-то в области философского осмысления реальности идёт не так.

Важно ли это? Действительно ли ответы на такого рода философские вопросы имеют значение, и если да, то для кого и в каком контексте? Здесь также существуют различные мнения. По крайней мере в одной области некоторая значимость наглядно прослеживается. Речь идет о субъективном построении мировоззрения. В той или иной степени каждый человек строит свое собственное мировоззрение, принимает или отвергает те варианты ответов, которые имеются у него в наличии. И то, что большинство людей с этой задачей успешно справляется, кажется мне достойным удивления. Некоторым даже удаётся в дополнение к имеющимся вариантам построить свой собственный воздушный замок.

Возможно, конечно, пройдет время и развивающийся процесс познания не оставит сомнений в описании положения вещей на самом деле. Общеизвестные ответы на основные философские вопросы станут рассказывать детям в школе. Или же наоборот – всем станет окончательно ясно, что основные философские вопросы не имеют ни смысла, ни решения. Также возможно, что эти вопросы так и останутся вечными вопросами – темой для индивидуального приня-

тия решений. В то же время прогресс познания будет стремительно мчаться вперёд, открывать всё новые горизонты и удивлять всё новыми техническими решениями.

Лично мне видится следующая картинка.

– Основные философские вопросы являются весьма значимыми, хотя и в некотором косвенном смысле.

– При текущих формах познания мира эти вопросы так и останутся нерешёнными и будут поставлять достаточно материала для дальнейших измышлений.

– Ключевым и наиболее фундаментальным аспектом всех такого рода вопросов является проблема человеческого сознания.

Вот об этом мне и хотелось бы порассуждать. Лично мне изложенные далее мысли кажутся важными и интересными, хотя, возможно, в них и нет достаточной новизны или существенной философской значимости. Буду рад, если кто-нибудь ещё найдет их интересными, а книгу заслуживающей хотя бы частичного прочтения.

КАМО ГРЯДЕШИ

Вопросы о природе мышления, личности и сознания также относятся к числу вечных философских тем. Несмот-

ря на явный прогресс, достигнутый в когнитивных науках, принципиально разные подходы и взгляды здесь продолжают сосуществовать, порождая всё новые споры и противостояния. Вспомним хотя бы философские концепции природы человеческого сознания – дуализм, функционализм, бихевиоризм, панпсихизм, эмерджентизм, и прочее. Каждая из них имеет своих ярких сторонников и не менее ярких противников.

Мне всегда казалось, что из всех вечных вопросов именно вопросы о сознании являются наиболее перспективным для размышлений. Размышления же направленные на решение других философских вопросов таковыми не являются. Так получилось, что именно сознание будет являться в этой книге основным элементом. Мы говорим сознание, подразумеваем всё остальное.

Теперь, что я понимаю под перспективностью размышлений? К сожалению, это не возможность позитивного решения задачи. Проблема сознания является для многих размышляющих о ней трудной проблемой и загадочной тайной. Хотя, впрочем, другие считают, что проблема сознания – это псевдопроблема, фикция и не имеет особого смысла её обсуждать. Лично мне проблема сознания видится намного более трудной и непонятной, чем она, пожалуй, видится многим представителям первого подхода. Вполне возможно, что она настолько непонятная, что, в общем-то, и не имеет смыс-

ла её обсуждать.

Основную трудность в постижении сознания можно сформулировать как «замкнутость сознания на себя». Но такая формулировка представляет собой, скорее, только некоторый лозунг. В теме сознания, вообще, сформулировать в явном виде удаётся не очень многое. Некоторую часть проблематики возможно ухватить интуитивно, в процессе логических рассуждений и текстовых описаний. Основная же часть вопроса так и остаётся скрытой в тумане тайны. И тем не менее, даже то немногое, что удаётся проговорить в совокупности с достигнутым интуитивным видением проблемы сознания является, как мне кажется, очень важным достижением. И может статься, что это – то единственное, что можно сделать в решении вечных философских вопросов, несмотря на весь нынешний и будущий прогресс познания.

Эта книга ни в коем случае не нацелена на полемику в рамках какого либо из существующих философских направлений. Хотя в ней и будут присутствовать и рассуждения, и аргументы, всё же я не склонен придавать им принципиального значения. Ни строгость рассуждений, ни отсутствие противоречий не являются для меня ни ценностью ни целью. Приведённые в дальнейшем рассуждения – это лишь средство для достижения основной цели этой книги – подвести читателя к интуитивному видению той гносеологиче-

ской бездны, которая лежит в основе всех философских вопросов и которая открывается перед человеком, размышляющим о природе сознания.

ТЕРМИН

Описание предмета принято начинать с разбора происхождения и вариантов значения используемых понятий. Что-то вроде «Это слово составлено из двух частей X и Y, где X происходит от древнегреческого корня Z, что первоначально означало процесс сушки вёсел...».

Приступая к описанию моих размышлений, также хотелось бы уточнить, что я буду понимать под словом «сознание». В русском языке это слово имеет несколько значений. Оно может означать процесс непосредственного осознания человеком явлений окружающего мира и себя самого. Или же сознание может также включать в себя мышление, ощущения и восприятие. В таком виде слово сознание близко по значению к слову разум. И действительно, осознавая предмет мы уже в некотором смысле время размышляем о нем. Насколько здесь все переплетено показывает хотя бы тот факт, что «philosophy of mind» переводится на русский язык не как «философия разума», а как «философия сознания». А ведь есть еще интеллект, рассудок, ум, рефлексия, мышление и другие интересные слова. И все это вроде бы и определено, но схема этих определений как правило выглядит как

«Сознание – это процесс осознания». И не принципиально помогают перестановки слов в определениях, например, если слово «осознание» заменить на слово «рефлексия».

В этой книге я не буду прокапывать понятие «сознание» вплоть до сушки весел, частично из-за лени, частично из-за изначального чувства безнадежности этого занятия. Слово сознание будет использоваться наиболее обобщенным образом. Оно будет означать и разум, и интеллект, и мышление, и память, и чувство личности, и самосознание. Создается ощущение, что всё это части некоторого явления, некоторого целого, искусственно разделенного на составляющие. Для обозначения этого явления можно было бы использовать слово «разум» или даже «разумность», но я остановлюсь на слове «сознание», которое подчеркивает аспекты осознанности и понимания.

Продуктами такого явления являются ментальные сущности, такие как ощущения, понятия, высказывания или теории. Все эти сущности будут называться продуктами сознания и, в некотором смысле, я буду также включать их в рассматриваемое явление, которое по-прежнему буду называть сознанием. Может быть это и не очень удачное обращение с терминологией, но в результате получается именно тот феномен, который мне хотелось бы обсудить. Можем назвать это «общим сознанием», в противоположность узкому определению сознания как процесса осознания.

ДЛЯ ЗАТРАВКИ

Иногда приходится слышать о том, что с появлением и развитием разумной жизни на Земле, Вселенная получила возможность осмыслить самую себя, познать себя посредством возникшего разума. Изменялось вещество, появлялись и гасли звезды, зарождались примитивные формы жизни, обладающие целесообразным поведением. В то же время, никто не понимал, что происходит в мире, пока природа не произвела на Земле живые существа, умеющие ощущать, а затем и человека разумного, который занялся планомерным осмыслением окружающего мира – вначале на уровне древних, первобытных понятий и подходов, на только начинающем формироваться языке, а затем все дальше и дальше, следуя витиеватым путям развития цивилизаций. Вершиной осмысления на сегодня считается научная картина мира, описывающая всю Вселенную от микро до макро уровней.

Обратим внимание на несколько аспектов, которые можно выделить в приведенных утверждениях.

Первый аспект, прослеживающийся в приведенных утверждениях, – это то, насколько глобальную, поистине вселенскую значимость мы склонны придавать нашему сознанию. Вся Вселенная ждала появления нашего разума. Рас-

смотрим, например, утверждение «появлялись и гасли звезды». Здравый смысл говорит нам, что да, так и было на самом деле. И именно наше сознание оказалось способным понять и сформулировать этот факт. Однако, если рассматривать сознание как некоторое природное явление, то совершенно не очевидно, что оно должно обладать такой степенью значимости. Это касается также и выводов, представлений и теорий, порожденных сознанием, включая и представления о том, что появлялись и гасли звезды.

Во-вторых, проведем мысленный эксперимент. Представим себе существование в каком-то абстрактном виде всех современных концепций и теорий, а также возможность получать информацию о мире и порождать новые концепции и теории. При этом отсутствуют субъекты, способные осознавать и понимать происходящее. Можно ли в этом случае утверждать, что Вселенная познает себя? Похоже, что нет! Сознание в смысле процесса осознания, будучи лишь небольшой частью общего сознания, играет здесь какую-то весьма важную роль.

Отметим также принципиальную возможность дальнейшего развития познающего сознания. Появившийся человек разумный перевел познание Вселенной на качественно новый уровень по сравнению с жившими до него живыми существами, которые также познавали окружающий мир на

своих уровнях сознания. Точно также возможно представить себе возникновение следующего витка развития сознания. Это может быть и изменившийся, апгрейденный человек, и какой-то новый биологический вид, и сотворенные человеком разумные устройства. Возможно у них будет совершенно другой тип мышления и другое устройство памяти, возможно будет отсутствовать язык в сегодняшнем понимании этого слова. Принципиальным остается наличие процесса осознания – наличие сознания в узком смысле этого слова.

ПОЗНАНИЕ СОЗНАНИЯ

Когнитивные науки сегодня развиваются широким фронтом. Когда читаешь о достижениях последних десятилетий, то уже видится тот недалекий момент, когда физиологическая сущность личности, мышления, воспоминаний, познавательной функции и свободной воли будет описана научным способом и проверена экспериментально. Конечно, мозг человека очень сложно устроен. Как минимум количественные величины числа нейронов и числа связей между ними впечатляют. Но ведь еще относительно недавно ученые спорили, соприкасаются ли клетки нейронов непосредственно или в местах передачи сигналов есть зазор (то, что сейчас называется синапсами). А сегодня, по крайней мере в мозге животных, уже отслежены подробные схемы восприятия зрительной информации. Ясно, какие из блоков обраба-

тывают форму, какие цвет, а какие размер предметов. Но это еще не самое интересное. Идут исследования того, как обработанные признаки предметов ассоциируются с сохраненными в памяти мозга признаками ранее воспринятых предметов. А ведь отсюда видится всего несколько шагов до описания того, как работает узнавание и понимание, от которых в свою очередь недалеко и до описания мышления в целом. Немного дожать и сознание поймет само себя!

Кстати, а что в данном случае означает, что сознание поймет себя? Это значит, что будет построена подробная модель того, как информация хранится и обрабатывается в мозгу. При этом разовьются технологии, способные отслеживать отдельные элементы сохраненной информации а также влиять на любую сохраненную информацию. Это значит, что если я сегодня в час дня увидел козу, то можно будет отследить каким именно образом это событие сохранено в структуре мозга и каким именно образом я обнаруживаю, что это было в час дня и что это именно коза. Поняв, как все устроено, можно будет развить технологии воздействия и искусственно изменить воспоминание о козе на воспоминание об овце. Хотя, как показывает история человечества, влиять и изменять начинают задолго до того, как начинают понимать. Поэтому технологии распознавания того, о чем думает человек, уже развиваются, а описание механизмов того, как именно он об этом думает остается делом будущего.

Но даже понять, что человек думает о козе – это не самое главное. Важнее то, что будут технически поняты механизмы самого мышления. Будет описано на клеточном или молекулярном уровне то, каким именно образом я вообще решил подумать о том, что было со мной сегодня, каким образом проходил процесс мышления и почему я переключил свое внимание и стал думать о чем-то другом. Таким образом будут раскрыты механизмы и структура моего я, моей личности и моей (свободной) воли. Станет технически понятно что такое мое сознание, как порождается мое ощущение себя и мое восприятие окружающего мира.

* * *

Ну и замечательно! Представим себе на мгновение светлое будущее, когда все это уже достигнуто. Есть ли ощущение, что при этом нечто важное все-таки осталось за кадром? Как будто, решив все технические проблемы, нас обманули в чем-то очень существенном, в чем-то фундаментальном. Да, сознанию удалось построить научную модель функционирования самого себя, причем модель настолько убедительную, что само сознание считает, что все так и есть на самом деле. А убедительность достигается, как это обычно и происходит в науке, за счет воспроизводимости результатов и, как следствие, возможности практических приложений.

И все-таки, подумаем немного о достигнутом. Начнем

со следующего вопроса: Почему сознание вообще способно разобраться с чем-либо в этом мире? Почему вообще возможно построить модель, находящуюся у нас в сознании, и при этом отображающуюся в реальность этого мира? Что это за сущность, находящаяся в нашем сознании, на которую мы ссылаемся как на описание этого мира? Ведь говоря „мир устроен вот так“ мы показываем пальцем не на мир, а на модель, на некоторую сущность в нашем сознании. Какова природа этой сущности, этого знания, находящегося в сознании и отображающаяся в мир? Ведь именно это нечто, это знание и является целью всех поисков, всех исследований как сознания, так и всего остального в этом мире. Что же мы находим в результате этого поиска? Как и почему это нечто можно отобразить в мир и какова природа этого отображения? Ответит ли наука, познавшая сознание на эти вопросы или они по-прежнему останутся в области философии? Можно ли считать сознание познанным, если мы не понимаем природу того, что является продуктом сознания?

Конечно, можно предположить, что никакого продукта сознания, как сущности, не существует. Есть некоторые процессы, проходящие в мозгу, которые эволюционно развились для лучшей приспособленности организмов к сложной и изменчивой окружающей среде, и которые нам наконец-то удалось описать научным способом. Но ведь само это научное описание того, что есть сознание на самом деле, как раз и является таким продуктом сознания. Это и есть то Знание, ко-

торое мы (человечество) так долго искали и наконец нашли. А получается его как бы и не существует. Все-таки кажется, что научное описание сознания должно иметь некоторое понимание (некоторую модель) того, что является продуктами сознания. Возможно, это будет что-то непривычное, совершенно непредставимое сегодня, но это нечто должно быть! Если только наше предположение о научной постижимости сознания не является утопией.

Кроме продуктов сознания можно также порассуждать и о некоторых основах сознания, например, о фундаментальных принципах мышления, заключенных в нашей логике. Как минимум со времен Аристотеля человечество пытается построить модели самой структуры мышления. На сегодня существует развитый аппарат математической логики, а также многие тома логики, как направления в философии. Должна ли научная теория, объяснившая сущность мышления, также объяснить и обосновать логику, как основу (процесса) мышления? Что такое логика и почему она именно такая? Наличие такого обоснования вроде бы также должно предполагаться в полной теории сознания.

Заметим также, что сами принципы развития науки также должны быть разъяснены в полной теории сознания. Ведь наука – это также продукт сознания. Таким образом сущность науки и принципы ее развития должны быть строго описа-

ны, и это, пожалуй, будет означать окончание науки в привычном нам виде и начало принципиально нового этапа в познании мира. И это касается не только естественных наук, но и гуманитарных. Что станет с историей и социологией, основанных на продуктах нашего сознания? Научная теория сознания позитивным образом свяжет физические явления с продуктами личного и общественного сознания, описывающими эти физические явления. Тем самым она внесет ясность в бесконечно обсуждаемые философские проблемы, в том числе в вопросы философии науки и философии сознания. То есть, мы поймем научным способом не только само сознание, но и наше научное понимание сознания, а заодно и понимание нашего понимания сознания, и так далее. Каким-то непонятным способом сознание поймет себя во всей своей рекурсивной глубине.

Приведем еще одно замечание и на этом остановимся с описанием супер-возможностей научной теории сознания. В философии науки существует концепция парадигм, которая утверждает, что любая парадигма со временем может быть, или даже обязательно будет заменена на другую парадигму. Соответствует ли это действительности или нет – споры продолжаются. Поскольку полная теория сознания поймет и саму себя и логику развития науки, то она также и даст ответ о самой себе, как о парадигме. Сама полная теория сознания поймёт себя, поймёт, будет ли она меняться в дальнейшем и

если да, то как, или это и есть окончательная теория сознания. И все это, естественно, будет сделано строгим научным способом.

Вот этот получившийся Монстр и может претендовать на право называться полной теорией сознания, в отличие от биологической модели процесса мышления. Реалистично ли построение такой теории? Очень сомнительно. Не имея же в наличии полной теории сознания, стоит ли надеяться на построение хотя бы биологической модели сознания? Мне кажется – нет! На определённом этапе исследования биологический подход к изучению механизмов сознания с необходимостью завязнет в вечных философских вопросах, стоящих перед общей теорией сознания.

МАТРИЦА СОЗНАНИЯ

В этой главе речь пойдет о замкнутости сознания на себя и о кругах, с необходимостью возникающих в рассуждениях о сознании. С одной стороны, такие рассуждения существуют в философской литературе в достаточном количестве. С другой стороны, в этой книге рассуждения о невозможности выйти за пределы сознания и посмотреть на него со стороны играют центральную роль в создании интуитивного восприятия погруженности человека в то, что мы будем называть матрицей сознания. Поэтому я всё же приведу здесь своё ви-

дение проблематики замкнутости сознания на себя.

Если посмотреть на место сознания в современной картине мира, то это будет нечто специальное, появляющееся очень поздно в истории развития Вселенной. Пока из частиц соберутся атомы, из атомов молекулы, затем сложные молекулы, появятся клетки, организмы, нервная система, мозг, и вот оно зарождается нечто, способное понимать и описывать природу. При этом в научном объяснении сознания возникает примерно такая вот структура:

(физика – химия – биология) – сознание

Кажется, что надо бы хорошенько разобраться с работой нервной системы и, в частности, мозга, и научная теория сознания будет готова. Возможно, биологического уровня описания окажется недостаточно для объяснения сознания и придется спуститься на уровень химии. Некоторые даже полагают, что необходимо будет опуститься на уровень физики и строить объяснение сознания с использованием квантовой механики и других фундаментальных теорий, хотя таких, конечно, меньшинство. Так или иначе, научное понимание сознания кажется вопросом времени.

Однако, взглянем на сознание несколько по-другому. Сами наши представления об устройстве мира являются продуктами нашего сознания. Научные дисциплины, призванные объяснить сознание, сами порождаются сознанием.

Здесь можно привести несколько условную аналогию. Также, как для понимания природы химических реакций понадобилось понимание лежащих в их основах принципов физики элементарных частиц, также и для понимания сущности научных теорий необходимо понимание породившего их сознания. Необходимо ответить на вопросы о природе научных моделей, а также объяснить их способность описывать и предсказывать реальность. Здесь можно, например, вспомнить вопросы, обсуждавшиеся Эйнштейном, Бором и другими известными учеными: Почему мир подчиняется математике? Почему мир вообще постижим логикой человеческого ума? Таким образом наша структура несколько усложняется.

сознание – (физика – химия – биология) – сознание

Собственно, в этой структуре уже виден круг, без начала и конца, в котором уже и не понятно какой элемент является базовым. Для того, чтобы объяснить, каким образом сознание порождает научные модели необходимо пойти на второй круг и вновь заняться биологией сознания. И потенциально количество пройденных кругов может быть произвольно большим.

Рассмотрим в качестве примера эволюционное объяснение феномена сознания. Сознание – это механизм приспособления организмов к окружающей среде. Результат этого приспособления и воспринимается нами как сознание, познающее мир. В этом описании хорошо виден переход от сознания как биологического феномена в правой части струк-

туры («механизм приспособления организмов») к сознанию, объясняющему мир в левой части структуры («сознание, познающее мир»). Это описание, конечно, необходимо довести до ума и объяснить каким именно образом процесс приспособления порождает феномены, способные отображаться в феномены окружающего мира и восприниматься нами, как объясняющие мир модели. Для того, чтобы объяснить такого рода отображения, познающее сознание из левой части, необходимо вновь перенести вправо и заняться его научным объяснением. То-есть необходимо пойти на второй круг и, возможно, вновь спуститься на уровни химии и физики – поскольку объясняемые сознанием феномены расположены в том числе и там. И если задаться вопросом почему сознание способно понять свою собственную роль в познании природы и сделать это не на абстрактном, философском уровне, а на уровне позитивной науки, то необходимо будет вновь вернуться к биологии сознания и пойти на третий объясняющий круг.

Круг познания сознания можно несколько обобщить, перейдя от научных к произвольным рассуждениям

сознание – рассуждения о сознании – сознание

Все рассуждения о сознании порождены, в свою очередь, самим сознанием. Невозможно отстраниться от сознания и посмотреть на него со стороны. В качестве примера такого обобщенного круга рассмотрим типичный пример рассуж-

дений, возникающих в современной философии сознания.

– Физический мир является каузально замкнутым, то есть причины физических явлений лежат в физическом мире.

– Ментальные явления, такие как мысли и идеи, не являются физическими явлениями.

Из этих посылок выводятся разнообразные умозаключения о сознании. Ментальное объявляется либо параллельной к физической реальностью, либо одним из фундаментальных аспектов физической реальности, либо дополнительно возникающим феноменом. Такого рода утверждения обрастают аргументами и контраргументами. Целью этих рассуждений является понимание сознания. Но обратим внимание насколько активно эти рассуждения используют понятия и концепции порожденные сознанием. Например, «каузальность» или «физические и не физические явления». То есть, что происходит? Исходя из непонятности сознания и желая его познать мы должны признать, что также и порождаемые сознанием конструкции являются на данном этапе непонятно-чем. Возможно ли используя одно непонятно-что познать другое непонятно-что? Непонятно.

Проблема замкнутости сознания намного глубже, чем приведенный пример. Продуктами сознания оказываются не только понятия «каузальности» или «физического», но и са-

мо мышление, а также лежащая в основе мышления логика. Помимо мышления сознание также содержит в себе такие феномены, как непосредственное восприятие мира и ощущения. Далек не всегда осознанное восприятие связано с мышлением. Просто, осознанно смотря по сторонам мы уже пребываем в замкнутом на себя сознании, воспринимая продукты сознания с помощью сознания. Круг сознания тогда обобщается до следующей структуры.

сознание – сознательное действие – сознание

На принципиальном уровне выхода из замкнутого на себя сознания не видно, поскольку любые рассуждения о сознании, любые восприятия, ощущения, концепции и теории являются продуктами сознания – впрочем как и сами наши рассуждения о замкнутости сознания на себя. Такое состояние погруженности сознания в себя мы и будем называть матрицей сознания, по аналогии с фильмом «Матрица», где наш мир оказывается погруженным в другой, более реальный мир. Только в нашем случае сознание оказывается погруженным не в нечто иное, а в самое себя, и где здесь начинается нечто реальное, сказать трудно.

Несмотря на столь безнадёжное положение, на практике проблема замкнутости сознания решается легко и непринуждённо. Происходит это при помощи того, что мы будем здесь называть островком безопасности. Островок безопасности – это способность человека придавать своему лично-

му сознанию объективное значение. Неважно каким биологическим или физическим феноменом, сформировавшимся в результате естественных или иных процессов, мы бы не считали сознание вообще, свое личное сознание воспринимается нами как сознание стороннего наблюдателя, имеющее объективно значимое восприятие и принципы мышления. Именно островок безопасности позволяет нам произносить нечто, наподобие «Сознание на самом деле является тем-то» или «Сознание на самом деле возникло в результате того-то». В частности, именно островок безопасности позволяет нам продолжать рассуждения этой книги, вместо того, чтобы замереть перед бескрайней бездной, открывающейся перед человеком, ощутившим матрицу сознания.

Рассмотрим еще один пример. Для сегодняшней когнитивной науки сознание – это процесс, протекающий в мозгу при специальном образом организованной активности нервных клеток. Так же как определенного рода активность клеток в пищеварительной системе порождает процесс пищеварения, также и определенного рода активность нервных клеток порождает сознание. В чем же здесь разница?

Поскольку сознание в процессе пищеварения напрямую не участвует, то и в случае познания пищеварения мы можем отвлечься от вопросов о природе сознания и сконцентрироваться на самом познаваемом явлении пищеварения. При

этом мы используем свое личное сознание как замечательный познающий инструмент, с помощью которого возможно описать, как в действительности устроен процесс пищеварения. Или же для более философски настроенного исследователя, мы играем в некоторую игру «Познай Пищеварение», правила которой заданы нашим сознанием. В результате этой игры мы получаем научную модель процесса пищеварения, позволяющую строить практические приложения в виде методов диагностики, создания лекарств, и прочее. И, в принципе, чего еще можно желать от процесса познания? Знание – сила!

В случае же познания процесса сознания ситуация несколько иная. Познавая сознание, отвлечься от вопросов о природе сознания уже не удаётся. И здесь мы замечаем, что игрой «Познай Сознание» занимается само сознание, лежащее в основании этой игры, в некотором более глубоком пласте реальности. И это не-игровое сознание является более фундаментальной сущностью, чем описанная в игре активность нервных клеток. Это более глубокое сознание породило те самые правила игры, благодаря которым мы и пришли к словам «активность» и «нервные клетки», а также к стоящими за этими словами смыслам, концепциям и теориям.

Такие рассуждения с неизбежностью погружают нас в

матрицу сознания. И здесь мы либо воспользуемся островком безопасности и признаем безоговорочную объективную значимость нашего познающего сознания, либо нам придётся смириться с познанием ограниченного, игрового его проявления. Первое делать не хочется, во втором же случае нам также придётся смириться и с ограниченными техническими следствиями поверхностного понимания сознания.

Проникаясь всей необоснованностью островка безопасности и пытаясь избавиться от его влияния, мы все глубже погружаемся в матрицу сознания. Конечно, полное погружение возможно лишь в пределе, при окончательном исчезновении островка безопасности, но добиться этого совершенно не тривиально ввиду замкнутости сознания на себя. Любая концепция о сознании оказывается вещью гораздо более поверхностной, чем само породившее ее сознание, и возможна лишь при достаточном доверии значимости познанного. Естественно, это относится и к нашим рассуждениям об островке безопасности и матрице сознания.

Ситуация с нашей погруженностью в матрицу сознания видится очевидно безнадёжной и бесперспективной. Да, о нашей замкнутости в рамках собственного сознания в том или ином виде рассуждали многие. Позитивных результатов от таких размышлений ожидаемо ноль, если не считать порождённых ими дальнейших рассуждений. И возникает

естественное желание отмахнуться от такого рода проблем и наблюдать за успехами исследований в области когнитивных наук. Возможно, следует принять сознание и порождаемый им процесс познания в том виде, в каком они присутствуют в нашей жизни. А замкнутость сознания на себя может быть проигнорировать как псевдо-проблема в пользу дальнейшего позитивного его изучения. Так вот, мое мнение: Нет, не может! ... Почему? ... Читаем дальше...

ФИКЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Есть такая удивительная вещь – восприятие человеком того, как все устроено на самом деле. В этом есть с одной стороны детская наивность – ребенок, столкнувшийся с разными точками зрения, наверняка спросит «А как на самом деле?». С другой стороны каждый взрослый, сложившийся человек также постоянно сталкивается с этим феноменом. Конечно, это в первую очередь относится к устойчивым убеждениям, таким как существовании на самом деле предметов или частиц или же существовании на самом деле эволюционного процесса. Но также и более относительные воззрения на мир непроизвольно используют данную формулировку. Так, возможно, полученные научные теории на самом деле являются не Истиной, но лишь некоторым её приближением. А Истина на самом деле не может быть достигнута и является своего рода пределом научного поиска. Или же, например,

наше знание на самом деле является лишь моделью, существующей в нашем сознании.

И даже откровенные сомнения как правило имеют под собой некоторую основу в виде того, как все есть на самом деле. Каким бы релятивистом и скептиком не был человек, какие бы сомнения не посещали его, ощущение того, что нечто в мире происходит на самом деле с неизбежностью присутствует в его мировоззрении. Античные скептики полагали, что познание вещей на самом деле невозможно, а любые утверждения вредны для человека опять таки на самом деле. Познающая природа человека по Юму на самом деле имеет определенную структуру. А в кантовской критике разума утверждается, что наш разум на самом деле имеет существенные ограничения, а внешний мир на самом деле представляет для разума «вещь в себе».

В этом контексте сознание играют ключевую роль. Ведь именно о продуктах сознания мы говорим как о фикциях или как о феноменах, значимых на самом деле. И, конечно, наибольший интерес представляют собой рассуждения сознания о самом сознании. Эти рассуждения также претендуют на значимость на самом деле, причем как утверждающие особенное естество сознания, так и отрицающие его. Так, например, утверждения о том, что субъективное сознание является некоторой иллюзией, возникшей в результате приспособления организмов к окружающей среде, подразу-

мевают, что так оно и было на самом деле.

Рассмотрим подробнее пример восприятия продуктов сознания как фикции, иллюзии познания явлений «на самом деле», порождённой организованной активностью клеток, работающих в целях выживания организма. Тогда наше познание мира и все наши суждения являются на самом деле порождением физических процессов и в силу каких-то своих свойств только воспринимаются нами как объективное познание природы. Попробуем сформулировать это в виде утверждения.

Мы утверждаем с помощью разума, что на самом деле с помощью разума мы ничего «на самом деле» не утверждаем.

В этом утверждении мне видится квинтэссенция рассуждений о значимости или фиктивности познания, особенно, познания, направленного на само сознание. Конечно, с этим утверждением не все в порядке. Оно похоже на противоречие, но ведь противоречием это утверждение делает наше сознание, причем утверждая, что оно является противоречием на самом деле. Или же понятие и проблемность противоречия – это тоже фикция?

В случае фиктивности ощущения значимости сознания на самом деле, что вообще можно сказать? Ведь тогда не только сознание является фикцией, но и сами рассуждения об ил-

люзорности сознания. Где тот край за который можно зацепиться – похоже его нет – или это тоже фикция?

* * *

Интуитивно мне всё же видится, что выражение «на самом деле» не является просто фигурой речи. Данное выражение – это некоторый символ, – это указатель на глубинное нечто, к которому, с одной стороны, невозможно подступиться, и от которого, с другой стороны, невозможно отказаться. И ключевым звеном в нашей связи с этим явлением является сознание и его продукты – ощущения, термины и теории. Помимо выражения «на самом деле», другим проявлением этого явления является островок безопасности, который позволяет нам отстраниться от предмета исследования и занять роль независимого стороннего наблюдателя с объективно значимой логикой мышления. Мы невольно придаем нашему разуму, нашей способности мыслить и понимать некоторое большее значение, чем они с очевидностью должны иметь.

И неизбежность формулировки «на самом деле» и наличие островка безопасности – это лишь внешние проявления чего-то фундаментального, скрытого от нас матрицей сознания. Это нечто спряталось намного глубже, чем реальность из фильма «Матрица», где существующий, аналогичный нашему мир обладает аналогичными нашему миру фи-

зическими законами. Это нечто также принципиально глубже кантовской вещи в себе, когда безусловная значимость мышления, логических рассуждений и теорий о мире не ставится под сомнение, а вся ограниченность, матричность сознания сводится лишь к ограниченности наших ощущений. Это нечто является наиболее фундаментальным из всего, что только можно вообразить или интуитивно ощутить, оставаясь ограниченным рамками замкнутого на себя сознания.

Именно из таких, достаточно расплывчатых соображений всё же и не следует совершенно отказываться от медитаций на тему матрицы сознания. Она представляет собой единственный мостик к тому нечто, назовем это «заматричностью», которое предстает перед нашим интуитивным восприятием либо в виде фундаментальной фикции, являющейся фикцией на самом деле, либо в виде фундаментального смысла, который является настолько непонятно чем, что уж очень походит на фикцию, ну, либо в виде чего-то иного.

ТЕЗИСЫ

Сегодня общее отношение к словосочетанию «на самом деле» является скорее негативным. Для успешного познания реальности необходимо построить работающую модель явления, согласующуюся с наблюдениями и позволяющую предсказывать будущее поведение системы. А описание яв-

ления как оно есть на самом деле – это совершенно непонятная и скорее всего некорректная постановка вопроса. Само словосочетание «на самом деле» возможно лишено глубокого смысла, а используется как некоторая фигура речи и тем самым не заслуживает серьезного рассмотрения. К тому же наличие множества параллельно существующих философских концепций усиливает сомнения в возможности существования положения вещей на самом деле.

По сути, как только мы формулируем нечто о каком либо явлении, это нечто сразу становится моделью данного явления. Кажется достаточно естественным, что при освоении мира человек с неизбежностью порождает модели, цель которых описывать и упорядочивать реальность, а также иметь некоторое практическое применение, ну или в случае философских моделей, просто упорядочивать реальность. При этом речь не обязана идти о том, каков мир на самом деле. Достаточно говорить о некоторых моделях, находящихся в нашем сознании.

Пришло время формулировать тезисы, прочтя которые, у читателя может возникнуть желание закидать автора помидорами и я, пожалуй, не буду его за это осуждать. Но дело в том, что сознание мне действительно часто видится именно в таких аспектах, хотя здоровый скептицизм, конечно, никто не отменял.

Тезис 1. В принципе, возможно создать модель чего

удовно, кроме сознания. Порождённые модели сознания всегда будут оставаться неудовлетворительными. Сознание каким-то глубинным и непонятным способом связано с заматричностью, тем, к чему мы интуитивно или наивно адресуемся, говоря о положении вещей на самом деле.

Конечно, я вполне осознаю, что с таким тезисом мы легко и естественно покидаем территорию конструктивного анализа и с легкостью оказываемся в эзотерических областях немодельного, непосредственного видения природы сознания. Пожалуй, отчасти избежать этого будет невозможно, а отчасти, пожалуй, возможно.

Так или иначе, научные и философские модели реальности имеют в своей основе сознание, основы и принципы которого воспринимаются нами как значимые на самом деле. Так, например, как в случае убеждений, так и в случае сомнений безусловной ценностью, способствующей появлению суждений о том, как все обстоит на самом деле, является сама логика нашего мышления. Следуя ей и были получены упомянутые научные и философские представления. В этом смысле сами принципы нашего мышления являются сущностями значимыми на самом деле. Мы безусловно доверяем им в любой аргументации и построении правильных суждений, также как им доверяли античные скептики вкупе с Кантом с Юмом. Именно признание основ нашего созна-

ния значимым на самом деле порождает все вечные философские вопросы, всю неуверенность в окончательной значимости познанного, а также все сомнения по принципам парадигм в науке, матрицы или кантовских вещей в себе, а также экзотику наподобие солипсизма или теории о создании мира в прошлую среду.

Тезис 2. Именно непонимание человечеством феномена сознания ответственно за все остальные философские непонятки.

Данный тезис можно было бы сформулировать несколько мягче, например, как эквивалентность проблемы сознания и всех остальных философских вопросов. Мне здесь всё же видится первичность тайны сознания, лежащей в основе всех остальных философских вопросов.

Отметим, что проблема даже не в том, что мы не можем объяснить сознание – сама идея необходимости объяснения и понимания сознания навязана нам самим непонятным сознанием. Та проблема, о которой я говорю здесь, не сводится к таким постановкам вопросов, как «сознание – мозг» или «проблема свободы воли». Она не сводится ни к естественно-научным вопросам, ни к философским аргументам. Это некое вопрошание о сущности сознания или разумного как такового, о сущности того, что для нас является самоочевидным и чему мы безгранично доверяем.

Пожалуй, в такой постановке проблема сознания кажется очевидно безнадежной, и совершенно непонятно, зачем об этом вообще говорить. Некоторым, весьма отдаленным сравнением здесь будет невозможность строгого определения всех понятий в языке. Ну да, невозможно – это понятно и зачем на этом циклиться? Нужно жить дальше и решать решаемое. Тем более, что и таким языком человечество давно и успешно пользуется. В этом смысле я, конечно, рискую потерять пока еще не существующего читателя. На человека, сокрушающегося по поводу невозможности определения всех понятий в языке наверняка будут смотреть косо. И все-таки, я рискну! Мне кажется, что смириться с непонятностью сознания означает по большому счету сдать в чем-то принципиальном – в самой основе человечности.

Тезис 3. В аспекте понимания сознания человечество пребывает в бездонной гносеологической яме¹.

Сегодня, на фоне все ускоряющегося научного и технического прогресса такой тезис кажется не совсем правильным. С другой стороны, сегодня, как и тысячи лет тому назад каждому человеку приходится делать выбор и определяться со своим философским мировоззрением. И вряд ли это положение изменится в обозримом будущем.

Как ни странно, но возможно именно сегодняшняя наука

---

¹ Первоначально здесь планировался термин «гносеологическая задница», но он не прошел цензуру.

с ее феноменальными успехами как раз и не позволяет нам углубиться в проблему сознания. Построенные научные модели мира настолько всеобъемлющие, принципы научного мышления настолько универсальны, что сегодня уже трудно представить себе другой подход к познанию реальности. Скорее здесь видится необходимость создания какой-то новой теории в рамках существующего научного подхода. Однако, уже сегодня на собраниях когнитивистов хорошим тоном является поругать Декарта, который во времена становления современной науки отделил ментальное от физического. А ведь это отделение явилось одним из принципиальных шагов в научных исследованиях – отделить объект исследования от субъективного. А оказывается, что на сегодняшнем этапе науки это разделение является препятствием к дальнейшему развитию. Эти мысли можно экстраполировать до светлого будущего, когда наука будет заменена на нечто совсем иное и когда уже не только Декарт, но и все построенные научные модели будут виноваты в том, что на несколько столетий, тысячелетий или чего-то ещё увеличи человечество в сторону от познания сознания (и тем самым от решения остальных философских вопросов).

Теперь давайте немного пофантазируем. Как показывает история, человечество очень изобретательно и в области технологий, связанных с сознанием люди фантазируют уже давно и успешно. Возможно, технические устройства будущего

го будут напрямую интегрированы с мозгом, а общение и получение новой информации будет происходить на уровне обмена паттернами мозговой активности. Станет возможным перенос сознания на другие носители. Появится возможность для одного сознания пережить ощущения другого сознания. Естественный язык в этом случае может быть заменен на более удобный и более эффективный способ передачи информации между людьми с использованием полученных технологий. Человечество тогда перестанет использовать современный язык, в том числе и естественно-научный, перестанет строить научные модели, в том числе и модели сознания.

В этом сценарии все философские вопросы, выраженные в нашем повседневном языке окажутся устаревшими и ненужными, как и сам сегодняшний принцип мышления. В некотором смысле это также будет позитивным решением проблемы сознания.

Тезис 4. Возможным решением проблемы сознания является технология. Это не будет естественнонаучным решением в нашем сегодняшнем понимании. Это будет решение в смысле забывания и устаревания сегодняшних принципов познания.

Возможны ли такие технические решения без построения удовлетворительной модели сознания – непонятно. Иногда мне кажется, что без хорошей теории такое техническое ре-

шение в принципе невозможно, а ведь теория – это в первую очередь модель. С другой стороны люди жарили мясо на костре задолго до построения теорий горения и сворачивания белков. Ну да ладно. Закончить главу хочется чем-то ободряющим. Совершенно без обоснования последний тезис.

Тезис 5. Непонимание человечеством своего сознания настолько глубоко и всеобъемлюще, что само интуитивное осознание этого уже можно считать некоторым решением на самом деле. И, вполне возможно, другого решения не будет.

КАРТИНКИ

Согласно первому тезису, использование моделей не приводит к познанию сознания. Тем не менее, несмотря ни на что, очень уж хочется порассуждать и представить свои варианты взглядов на проблему сознания. Конечно, это будут всего лишь модели, наивные абстракции от бесконечно глубокой проблематики, и, конечно, они не приведут нас к решению вечных вопросов. Единственное, что я могу предложить – это рассматривать дальнейшее описание как некоторый набор картинок, цель которых пробудить образное мышление и способствовать дальнейшему развитию интуитивного видения проблемы сознания.

Итак, в достаточной степени игнорируя сомнения и здра-

вый смысл, представим себе несколько картинок, описывающих сознание и его место в структуре мира.

ПЕРВАЯ КАРТИНКА

В огромной, возможно бесконечной структуре бытия есть небольшая веточка развития жизни на земле, которая, в свою очередь, содержит небольшой нарост появления высших форм нервной деятельности и с ними сознания. Этот нарост (назовем его «пупыр») способен каким-то очень специфическим способом преломлять в себе свое ближайшее окружение. Это преломление, однако, видится самому сознанию фундаментальным познанием основ мироздания – хотя и является лишь очень специальным узором на поверхности пупыра. Окажись на соседней ветке другой пупыр со своим немного отличным узором и, возможно, они будут даже не в состоянии распознать друг друга, не говоря уже о понимании. И только если по счастливой случайности два узора окажутся принципиально близкими, возможна будет встреча с инопланетным разумом. Для нашего разума это будет, конечно, огромный, революционный скачок с непредсказуемыми техническими последствиями. Два очень похожих пупыра можно будет обобщить до произвольного числа N , а это гораздо больше, чем $N=1$, которое нам известно сегодня. При этом, это не будет общей теорией пупыров, но это будет колоссальным расширением возможностей наше-

го разума. Но, достаточно, чтобы в ином пупыре не было таких сущностей, как логика или коммуникация и шансы на его распознавание будут очень малы. Другое дело инопланетяне обладающие иной формой логики – здесь еще можно будет побороться. При этом, конечно, каждый пупыр решает в свою пользу, какой же этот мир на самом деле.

Что же означает эта картинка в применении к привычному знанию, научным фактам и теориям? Что означает, что наше мировоззрение, каким бы фундаментальным оно нам не казалось, является лишь некоторым очень специальным узором на пупыре? Что будет, например, с вопросом „Существуют ли элементарные частицы. такие как электроны или кварки на самом деле?“ А каким увидится материя другой форме разума, в котором отсутствуют понятия „целое-часть“ – ведь вряд ли это будут элементарные частицы. Не означает ли это, что элементарные частицы порождены нашим пупыром?

Будем развивать нашу картинку дальше. Уместно ли сравнить внепупырное бытие с «вещью в себе»? Не очень. «Вещь в себе» – что это, как не сущность, порожденная нашим пупыром? Здесь уже начинает явно проступать вся условность попыток описания внепупырного мира с помощью нашего разума. Кант размышляя о чистом разуме все-таки пользовался своим разумом как незыблемой величиной. В нашей

же картинке и его рассуждения и полученная им вещь в себе – это очень условная и мало что значащая рябь на пупыре.

Но, мало значащая не значит ничего не значащая. Сделаем последнюю попытку спасти ситуацию и сказать: Но ведь что-то же существует, что породило наш пупыр? Не может быть пупыря на ничём. Что-то все таки есть – может здесь можно зацепиться за что-то позитивное? Но, снова здравствуйте. Что значит слово „существует“? Что это, как не все та же продолжающаяся условная рябь.

Нам остается только признать, что все попытки что-то сказать тут же могут быть объявлены условной рябью на пупыре. Может быть пришло время сказать сократовское «Я знаю, что я ничего не знаю». Хотя, ухватив уже принцип рассуждения, можно легко заметить, что и этот вывод с его логикой и терминологией – тоже всего-лишь часть узора.

Эту игру можно было бы продолжать еще очень долго – что-то говорить и объявлять это ничего не значащим узором на пупыре. Однако здесь мы остановимся. Договоримся о том, что наша картинка получается где-то в пределе такого рода рассуждений – в пределе отрицаний, сомнений, объявлений ничего-не-значимости и переходов на следующий уровень. Где-то там в бесконечности и расположена она – первая картинка.

Конечно, напрашивается как минимум еще один шаг –

объявить саму эту картинку вместе с ее пупырами не имеющей значения условностью. Но мы это делать не будем. Дело в том, что картинка здесь потому и названа картинкой, что она не претендует на оценку в понятиях истинности, адекватности или даже осмысленности. Будем рассматривать ее как предмет искусства, единственная цель которого привлечь наше внимание и вызвать некоторый эмоциональный отклик.

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНКА

Эта картинка задумана, как полная противоположность первой картинке. Разумное – это не пупыр на дереве, а нечто фундаментальное, возможно лежащее в основе самого мироздания. В этом смысле сознание нельзя рассматривать, как порождение развития жизни на земле. Скорее жизнь в своем развитии соприкоснулась с чем-то существующим в мире. Познание природы в этом случае имеет глубокое значение, а логика и разумное – это некоторые сущности лежащие в основе мироздания. В этом случае каждая мысль, каждое высказывание, каждое творение человеческого разума, человеческой культуры приобретают глобальное, вселенское значение.

Как такое можно было бы себе представить? Например, ментальное может быть рассмотрено как некоторое фунда-

ментальное поле наряду с электромагнитным и гравитационным полем. Физическая теория должна в этом случае учитывать также и ментальное поле. Можно было бы представить себе следующее: Логический закон исключения третьего (А или не А) является в своей области таким же законом, как и закон Ома в физике. С другой стороны, вроде бы, логические законы, такие как закон исключения третьего, лежат в основе мышления. На базе этих законов строятся сами рассуждения, частным случаем которых является закон Ома. То-есть логические законы имеют более фундаментальную природу.

В своем крайнем проявлении нашу картинку можно, наверное, сформулировать на языке религии: Бог является разумным существом. То-есть разум и логика лежат в основе трансцендентного основания бытия. Пожалуй, поконкурировать здесь могли бы идеальный мир Платона или Абсолют Гегеля. Не знаю почему, но мне интуитивно кажется, что существование разумного трансцендентного Бога придаст сознанию наиболее глубокий смысл. Но не будем здесь об этом спорить.

Заметим, что разумный Абсолют означает, что именно сознание является фундаментальной основой, лежащей в основе бытия, и оно может содержать в себе дальнейшие более глубокие основания, уже не схватываемые нашей способностью формулировать мысли. Поступим здесь по анало-

гии с первой картинкой. Представим себе предел такого рода погружений бытия в фундаментальную сущность сознания. Где-то там в пределе и расположена она – наша последняя картинка.

СРЕДНЯЯ КАРТИНКА

Мы рассмотрели две картинки, находящиеся на разных полюсах значимости сознания:

(Первая картинка) Сознание – это мелкий, случайный пупыр на огромной, возможно бесконечной, структуре бытия.

(Последняя картинка) Сознание – это фундаментальная основа бытия.

В первом случае не удастся сформулировать ничего внятного о сущности сознания. Во-втором любое порождение сознания, любое высказывание, мысль или предмет искусства обретают глубокое значение. Между этими полюсами можно представить себе множество других картинок. Поступим следующим образом: попробуем отыскать середину – картинку, которая описывает нормальное (среднее) сознание, не принижая, но и не возвышая его достоинство.

Пожалуй, наиболее соответствующей повседневной жиз-

ни будут следующие утверждения: Говорить, используя сознание, о выходе за пределы сознания бессмысленно. Мир существует и сознание возникло такое, какое оно возникло для познания реальности настолько, насколько это возможно с помощью сознания.

Как ни странно, не совсем понятно, что еще можно добавить к вышесказанному. По сути изложение средней картинки на этом закончено. В этом сила данной картинки, в этом же и проблема её использования. Все дальнейшие рассуждения будут сдвигать её либо в сторону первой, либо в сторону последней картинки. Средняя картинка оказывается очень неустойчивой как монетка, стоящая на ребре. Любые манипуляции могут привести к тому, что монетка начнет раскачиваться и падать либо в одну, либо в другую сторону.

Единственное, что можно ещё попробовать написать – это как две крайние картинки видятся с позиции средней картинки.

О первой картинке: Как уже было замечено раньше, поскольку сознание замкнуто на себя, то и высказывания о нем можно вертеть в любую сторону. Поэтому, даже если сознание возникло эволюционно на некотором сложном дереве развития мира, ему все же можно придать некоторый глобальный характер. Да, сознание возникло эволюционно, но

при этом оно действительно познаёт эту эволюцию, этот мир и само себя. Причем именно это и есть настоящее познание, хотя бы потому, что так определяет это познание само сознание. А говорить о чем-то за рамками сознания находясь внутри сознания бессмысленно. Причем бессмысленно именно потому, что таким бессмысленным это занятие считает само сознание.

О последней картинке: Здесь мы придаем сознанию глобальное, вселенское значение, в то время, как само это сознание на сегодня пришло к выводу, что оно порождается мозгом, а мозг вместе со всеми его проявлениями эволюционно развивался, приспособляясь к земной среде и ее изменчивости. Получается, что говорить о глобальности сознания также странно, как и говорить о глобальном, вселенском значении лохматости, развившейся у некоторых видов животных.

Вот и все о средней картинке. Никаких дополнительных предположений ни об ограниченности сознания ни о глобальной его значимости. Сознание есть такое какое оно есть. И добавить здесь нечего.

ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ КАРТИНКИ

Когда мы говорим о большей или меньшей значимости со-

знания в различных картинках, мы имеем в виду значимость сознания по отношению к остальному миру – по отношению к бытию. В первой картинке значимость сознания по отношению к миру настолько мала, что также и все продукты сознания, такие как рассуждения, представления о мире, память о прошлом теряют какую-либо значимость и превращаются в фикции. В последней картинке, напротив, сознание является фундаментальной основой бытия и любое его проявление носит глобальный характер.

Имея в распоряжение первую и последнюю картинки, а также условно построенную середину, можно рассмотреть существующие взгляды на природу сознания в проекции на построенные картинки. Концепции сознания принижающие значимость нашего сознания по отношению к миру будем относить к левым картинкам, которые находятся между первой и средней картинками. Соответственно, те идеи, которые придают сознанию бóльшую значимость, будут относиться к правым картинкам, которые находятся между средней и последней картинками.

Как уже было упомянуто, средняя картинка представляет из себя монету, стоящую на ребре. Стоит нам начать более предметно говорить о сознании, как монетка начинает падать. Если только начать придавать сознанию некоторую значимость, можно тут же заметить, что эту значимость мы

придаем с помощью самого сознания и, похоже, что значимость сознания в действительности еще большая. Монетка начинает падать в сторону последней картинки. И наоборот, стоит нам начать сомневаться в значимости сознания, объявлять сознание фикцией хотя бы в некоторых его проявлениях, как тут же возникает вопрос: А что это за сущность, с помощью которой мы увидели фиктивность сознания и не является ли она вместе с её выводами также фикцией. Монетка падает в сторону первой картинки. В общем случае падение монетки может быть и более сложным, с многократным пересечением середины.

Вообще, похоже, что устойчивыми картинками являются только три приведённые картинки. Любое другое философские воззрение на сознание представляет из себя наклоненную монетку в подвешенном состоянии. Итак, две крайние картинки достижимы только в пределе, а средняя картинка начинает падать при малейших с ней манипуляциях. Поэтому также и используемые человечеством философские и мировоззренческие модели сознания продолжают успешно пребывать в подвешенном состоянии.

В этой главе я сознательно отказался от разбора примеров существующих философских концепций и соотнесения их с положением на шкале картинок. Книга и так получается достаточно занудной, а такой разбор только уси-

лит эффект. Определение угла наклона монетки для существующих взглядов на природу сознания остаётся в качестве упражнения для читателя.

ИТОГИ

Итоги в студию! Собственно итоги уже были подведены в Тезисах. Несмотря на многочисленные повторы, я не уверен, что смог донести свою интуитивную картинку проблемы сознания до читателя. И вряд ли я смогу здесь что-либо добавить, кроме очередных повторов. Ну да ладно. Остаётся только сослаться на свои весьма ограниченные литературные способности.

На описании приведённых картинок можно было бы и закончить эту книгу. Да, это всего-лишь картинки! Но если найти картинку себе по душе и убедить себя, что она и есть наиболее правильная на самом деле, то жизнь наладится. Я даже не настаиваю на выборе устойчивой картинки – любую картинку, с произвольной степенью подвешенности можно при желании приспособить в своём ментальном хозяйстве. Данная книга вообще ни на чём не настаивает. Как тезисы, так и картинки полностью совместимы с любым мировоззрением и оставляют читателю полную свободу в построении произвольных моделей бытия.

Однако, я решил, что не буду ставить здесь точку. Книга продолжается, как продолжается и жизнь читающего её сейчас. Всё дальнейшее представляет из себя открытый конец без каких либо претензий на значимость. Приятного чтения!

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Аргументы, еще аргументы, возражения к аргументам и возражения к возражениям – вот так вкратце устроена философия сознания. Аргументам присвоены имена – аргумент удачи, китайская комната, аргумент знания, и другие, а также аргументы соотнесены с концепциями, со схемами объясняющими устройство сознания – дуализм, панпсихизм, эпифеноменализм и прочее.

Безусловно, такой перебор аргументов необходим хотя бы для того, чтобы желающие порассуждать на эти темы не изобретали велосипед и не начинали свои рассуждения с чистого листа. Тем более, что один человек совершенно не в состоянии продумать все существующие на сегодня схемы рассуждений о природе сознания. В современном мире таким перебором аргументов занимаются профессиональные философы, которым, конечно, за это большое спасибо.

Тем не менее не совсем понятно, каким образом это жонглирование аргументами поможет нам понять сущность сознания, породившего те самые аргументы, жонглированием которых мы занимаемся. Как-то весьма сомнительно, что

используя некоторый набор терминов, таких, как «причинность», «развитие» или «детерминизм» и фиксированные схемы рассуждений, такие как «логическое следствие» или «принцип противоречия» можно понять природу сознания, порождающего сами эти термины и схемы. Это можно сравнить со складыванием фигур из кубиков вместо того, чтобы разбираться с устройством самих кубиков. А ведь именно философии положено заниматься глубинным осмыслением основ явлений, в отличие от позитивного научного познания, для которого построение моделей и перестановки кубиков – это достаточно органичное занятие.

Может быть стоит обратиться к другому разделу философии (а и заодно математики) – логике, которая занимается основами мышления? Может здесь присутствуют ответы на вопросы о природе мышления и сознания? Но дело в том, что логика занимается формализацией структурных принципов мышления, а не анализом того, почему сознание вообще способно породить и порождает те или иные схемы мышления. В этом смысле логика сама использует готовые логические схемы рассуждений для описания готовых схем рассуждений – логика описывает, но не обосновывает логику.

Можно также отметить аналитическую философию – мощное современное направление, которое занимается глу-

боким анализом языка и используемой терминологии. Может быть замкнутое на себя сознание, которое никак не поддается моделированию и постижению – это всего лишь результат неудачных языковых построений, а проблемы как таковой вовсе не существует? То же, возможно, касается и некорректности использования языковой конструкции «на самом деле». Необходимо всего лишь начать грамотно пользоваться словами и все псевдо-проблемы будут либо отброшены как бессмысленные, либо переведены в конструктивное языковое русло.

Такого рода критический языковой анализ в рамках аналитической философии очень успешно развивался в течении всего XX века. И вот наконец в конце XX века стараниями Сёрла и товарищей было понято, что невозможно глубоко проанализировать языковые построения не поняв лежащего в их основе сознания. Круг замкнулся. В авангард аналитической философии вышла и прочно там закрепилась философия сознания, которая уже несколько десятилетий успешно жонглирует аргументами.

Другим языковым направлением, конкурентом аналитической философии является постмодернизм, для которого рассуждения о положении вещей на самом деле также являются бессмысленными, но по другой причине – по причине всеобщей относительности языка. Все тексты объявляются равнозначными. Что здесь можно сказать помимо некон-

структивности данного подхода? Чтобы прийти к выводам лежащим в основе постмодерна, чтобы осмыслить и начать использовать эти выводы необходимо пройти через всё те же логические схемы, термины и аргументацию порожденную сознанием. Сознание остается фундаментальной сущностью, которая ускользает от нас как в строгих рассуждениях аналитиков, так и в свободных построениях сторонников постмодерна.

Получается, что вообще нельзя философствовать о сознании. Манипуляция кубиками неизбежна. К сожалению, похоже на то. Но, поскольку желание что-то прояснить остаётся, философия и крутится уже немалое время вокруг вечных вопросов, решение которых было бы эквивалентно решению вечных вопросов о сознании.

Ну и наконец, чтобы сразу предупредить вполне справедливые претензии к этому тексту, напишу традиционное замечание. Да, приведенные в книге рассуждения о сознании являются всё той же перестановкой кубиков. Да, эта книга не претендует на философскую концепцию. Её цель подвести к интуитивному пониманию проблемы сознания, которая, похоже, бесконечно глубже, чем все приведённые рассуждения.

РЕКУРСИВНЫЙ ЛОСЬ

(СКАЗКА)

Жил, был лось. Однажды увидел он свое отражение в воде и понял, что познал истину. Обрадовался лось несказанно – жизнь удалась!

Не совсем понятно зачем, но решил лось своим счастьем поделиться с другими обитателями леса – наверное, был тот лось животным социальным. «Эх, если бы была возможность делиться паттернами мозговой активности с другими обладателями мозгов», – мечтал лось – «Все было бы просто. Тут бы и сказочке конец. А так нет. Придется объяснять все, да еще пожалуй и доказывать. А животное нынче упертая пошла, пожалуй что и спорить будет».

Ну да делать нечего. Сел лось на пенек и стал формулировать да записывать. «*Жил я был*», – грамотно сформулировал он первое предложение. «А действительно, как так получилось, что жил я да был обычным лосем, а потом – бац – и все понял?», – думал он. «А получилось то, что увидел я себя. Хотя, конечно, не совсем себя, а свое отражение в воде,

но воспринял-то я это как самого себя. Да, да – именно себя я увидел, хотя и посредством отражения». И сформулировал лось второе предложение: «*Узрел я себя*».

И задумался лось: «Раз я увидел именно себя, то формально логически есть два меня: тот кто увидел и тот кого он увидел. Назовем их лосями первого и второго порядка».

И показалось тут лосю, что есть в этом что-то очень важное. Он, как лось, не есть полноценный лось без двух своих составляющих – лосей первого и второго порядка, которые в свою очередь являются нормальными лосями. Дальше больше. Лось второго порядка не может быть нормальным лосем не имея возможности посмотреть на самого себя. «Но ведь не на лося же первого порядка он смотрит. Это я бы сказу распознал. Нет, у него должен быть свой наблюдаемый лось. И это уже будет лось третьего порядка, который опять-таки на себя смотрит».

«Ой-ё-ей!», – подумал лось. «Что же это делается? Ведь это же рекурсия. Дурная, бесконечная рекурсия! И удалбаешься здесь что-то объяснять, хотя бы и самому себе, не говоря уже о других». И уже пребывая в порыве отчаяния записал он третье предложение: «*И никому ничего не докажешь*».

Погрузился лось затем в размышления глубинные и плохо

поддающиеся описанию. И уже не казалось ему, что он что-то понял, а одолевали его сомнения сплошные. «Если лось порядка N видит только лося порядка $N+1$, то кто же и как может узреть всего лося целиком, включающего в себя все бесконечное число порядков?», – вопрошал лось в пустоту.

Попробовал было лось успокоиться и поразмыслить не абстрактно, а конкретно. Сосредоточился он на лосе первого порядка. Представил себе его во всей красе. Как стоит он с ветвистыми рогами и смотрит на лося второго порядка, который в свою очередь тоже стоит, и тоже во всей красе, и тоже смотрит на лося третьего порядка. Глубоко прочувствовал лось эту картину. Но на попытке реально поразмыслить о лосе четвертого порядка сморил его сон глубокий. И снились ему лес и солнце и лось четвертого порядка в глазах которого читался вопрос: «И чо?».

А проснулся лось уже совсем другим человеком. Не было у него ни чувства истины, ни чувства справедливости, а была какая-то серая пустота и листик с тремя сформулированными высказываниями, который сохранил он на память:

Жил я был.

Узрел я себя.

И никому ничего не докажешь.

МОДЕЛИЗМ

(КОНЦЕПЦИЯ МОДЕЛЕЙ)

Бытует мнение, что потребность в мировоззрении является одной из базовых потребностей человека. Причем, для описания построенной у себя в голове картины окружающего мира и своего места в нем как правило используется формулировка „на самом деле“. Вещество на самом деле состоит из молекул, а динозавры на самом деле существовали.

В то же время, в философских и научных дискуссиях выражение „на самом деле“ или похожее выражение „истинное положение вещей“ не очень то популярны. В науке чаще говорят о научной истине, как о том, что общепризнанно в современной науке, но может, в принципе, измениться до неузнаваемости в науке будущего. В современной же философии похоже говорить об истинном положении вещей вообще не принято. Выражение „на самом деле“ считается непонятным, туманным или лишенным смысла. При этом его отрицание часто звучит так: На самом деле выражение „на самом деле“ не имеет смысла. Или на самом деле положение вещей на самом деле непостижимо.

В этой главе мы рассмотрим одну из концепций того, как можно выстраивать свои представления о мире без ссылки на истинное положение вещей. Речь идет о концепции моделей. Создавая свои представления об окружающем мире, научным, философским или иными способами, человек строит у себя в голове то, что называется моделями действительности. Рассмотрим несколько характерных черт таких моделей.

(1) Модель не совпадает с реальностью. Модель – это представление на некотором языке, существующее в нашем сознании, которое каким-то способом отображается в реальность. Каким именно способом и в какую реальность не суть важно. Важно, что какое-то отображение есть.

(2) Критерии хорошеести модели свои в каждой области знания. Это может быть и большая простота или большая общность, лучшая согласованность с фактами и наблюдениями или более удачное вписывание в текущую картину мира или в текущую социальную ситуацию.

(3) Любую модель всегда можно несколько улучшить согласно критериям из (2). Также модель можно заменить на новую, ещё лучшую модель. Возможно для этого придется изобрести новый язык или новый способ рассуждения, но принципиально это должно быть возможно.

Особенностью этих подходов является то, что познание

описывается более конкретным способом по сравнению с непонятным „на самом деле“. Задаются определения терминов и правила игры, действуя согласно которым, мы строим модели и, тем самым, познаем мир. Конечно, находясь внутри этой игры неплохо было бы хотя бы краем разума думать о том, что сознание находится снаружи, создавая правила этой игры. Этот факт прослеживается на примере точных и гуманитарных наук – чем ближе мы приближается к области человеческого сознания, тем более туманными и невнятными становятся построенные модели.

Итак, концепция моделей. Для начала поговорим о ее плюсах. Один безусловный плюс был уже упомянут – концепция моделей позволяет описывать мир в конкретных терминах, при этом не прибегая к формулировке „на самом деле“. Такие вопросы, как на самом ли деле существует электрон или электромагнитное поле, становятся излишними. И то и другое – это модели реальности, находящиеся в нашем сознании.

Карл Поппер говорил, что самый дурацкий вопрос возникает, когда концепцию применяют к самой себе. Как, например фальсифицировать фальсификационизм? В этом смысле концепция моделей может похвастаться применимостью к себе. Сама эта концепция не является истиной в последней инстанции, а является некоторой моделью, которая, навер-

няка может быть улучшена или заменена на другую, более удачную концепцию. И с этим можно жить.

Интересно, что в разных областях по-разному относятся к концепции моделей. Вроде бы должно быть неважно из какой области модель – модель она и в Африке модель. А вот нет!

Начнем с физиков. Физики охотно говорят о том, что математические построения и абстрактные концепции не ставят целью описать природу на самом деле, а являются удобными и, главное, работающими моделями. Конечно, непонятно, какой процент из тех, кто согласен с применимостью концепции моделей в физике, согласен довести ее применение до ста процентов. Наверное, им будет нетрудно согласиться, что таких вещей, как квантовое поле, фазовое пространство или электромагнитное поле в природе не существует. Это удобные модели для описания физических процессов. Труднее будет признать, что существование электрона – это также модель реальности.

Интересным примером здесь является «антропный принцип». Если рассматривать Стандартную модель именно как модель, то необходимое точное соотношение между параметрами системы можно рассматривать как следствие подгонки параметров модели. То есть речь идет не о тонкой на-

стройке Вселенной, а о неустойчивости нашей модели, которая перестает давать требуемые результаты, как только мы начинаем немного шевелить её параметры.

Но продолжим смотреть на различные отношения к концепции моделей. По мере продвижения от фундаментальных явлений к более сложным объектам, количество людей, готовых рассмотреть эти объекты как модели реальности будет очевидно падать. Так для химика будет не так просто признать, что описание реакции получения соляной кислоты – это лишь один из способов посмотреть на то что происходит и, наверняка, не самый удачный. Хотя молекулы соляной кислоты и состоят из элементарных частиц, признать модельность молекулы труднее, чем модельность составляющих её частиц. Похоже, что по мере приближения к знакомому нам макромиру признавать условность описания реальности становится все труднее. Как принять, что концепции ДНК или клетки – это лишь одно из возможных описаний реальности, если клетку видно в обычный микроскоп? И уж конечно, немодельность того факта, что лисица охотится на мышей, не вызывает сомнений. А ведь если моделями является электрон и молекулы, то почему не состоящая из них лисица? Или лисица существует на самом деле?

Отвлечёмся на еще один интересный, немного провокационный пример – биологическая эволюция. Эволюция

прочно утвердилось в биологии и считается твердо установленным научным фактом, не нуждающимся в дальнейших доказательствах. Хотя конкретные теории эволюции могут, конечно, уточняться и адаптироваться. Можно ли посмотреть на эволюцию как на модель, причем не на механизмы эволюции, а именно на сам процесс эволюции видов? Почему бы и нет? Например, можно представить себе некоторое будущее, когда изменится сам язык и сами принципы мышления в науке. Тогда биологические процессы могут быть объяснены на совершенно ином уровне и эволюция, постепенное развитие видов станет неверной, устаревшей концепцией.

Продвигаясь дальше мы попадаем в гуманитарные области. Здесь можно упомянуть исторические события. Признать, что какое-либо историческое событие является моделью, как-то очень странно, но не невозможно. Каждый исторический факт проходит через преломление сегодняшним стилем мышления и сегодняшними парадигмами. Средневековые историки видели те же события достаточно по иному. А как увидят их наши далекие потомки? Возможно правильная история будущего будет записана на языке информационных потоков или еще чего-нибудь в этом роде.

Осматриваясь далее можно обнаружить островок знания, в котором активное применение концепции моделей имеет

место быть. Речь идет о современной психологии, причем не о туманных областях психоанализа, а о вполне конкретных экспериментальных исследованиях поведения, восприятия и мышления человека. Считается, что восприятие человеком действительности является построением внутренней модели мира. На то, что эти модели могут быть достаточно далеки от реальности указывают множество признаков – это и цветовые ощущения, и восприятие запахов, и всевозможные виды иллюзий, и наличие искажений в восприятии, а также возможность сновидений и галлюцинаций. Да и сам процесс построения, например, визуального образа, в котором первоначальный световой сигнал раскладывается на составляющие, которые анализируются и преобразовываются независимо друг от друга и лишь потом складываются обратно в целую картинку, позволяет сказать, что наше непосредственное видение трехмерного мира вокруг нас – это качественная виртуальная иллюзия, умело сконструированная нашим мозгом. Теперь внимание, сейчас будет сарказм. Заметим, что описание самого процесса построения этой картинке нашим мозгом моделью не является. Это, так сказать, объективное описание реальных физиологических процессов. То-есть, увидеть стол напрямую, без построения модели, наш мозг не способен, а увидеть непосредственно сложные процессы восприятия и построения самим мозгом моделей реальности после некоторой тренировки удастся.

По мере углубления в гуманитарные области и удаления от непосредственно окружающего нас макромира использовать концепцию моделей снова становится легче. Так, например, признать моделью описание какого-либо исторического процесса намного проще, чем признать моделью описание конкретных исторических событий. Дальнейшее увеличение степени абстракции приводит ко все более очевидной модельности рассматриваемых теорий. Так несложно признать моделями отвлеченные теории устройства общества в социальных науках. Например, Луман утверждает, что общество состоит из множества интеракций (взаимодействий), которые первичны по отношению к самим взаимодействующим субъектам. Без особых усилий эта теория воспринимается как некоторый способ посмотреть на структуру общества, а не как описание того, как общество устроено на самом деле. Надо заметить, что сам Луман утверждал, что принадлежит к течению конструктивизма и моделирует реальность так как ему удобно.

А что же философия? Интересно, какой процент философов готовы признать свои занятия моделизмом, а какой процент считает, что своими размышлениями они вгрызаются в подлинную суть бытия? По крайней мере со стороны придумывание аргументов и контраргументов можно без труда воспринять как моделизм в чистом виде.

Ну и наконец, мы старательно применяли концепцию моделей ко всему подряд. Единственное, что при этом оказалось за скобками – это сам моделист, тот кто занимается построением моделей. Он всегда отстранёно смотрит со стороны на происходящее и бодро строит модели окружающих его явлений. Возникает естественное желание подумать о возможных моделях самого моделиста. Для этого необходима хорошая модель сознания, включающая в себя описание того, как сознание строит модели окружающей действительности и самого себя.

Такие рассуждения вызывают двойственные чувства. С одной стороны таких моделей существует множество: от детально проработанных блок-схем, где квадратиками нарисованы такие атрибуты сознания, как память, мышление и блок принятия решений до туманных философских построений, таких как эмерджентное сознание, воспринимающее мир. А сам моделист по прежнему остается за скобками и продолжает смотреть со стороны на разнообразие теоретических построений.

Важно ли для моделиста наличие само-сознания, мышления? Должен ли моделист быть личностью? Почему и насколько моделист вообще способен моделировать мир? Как, находясь в рамках моделиста с его заморочками, посмотреть на моделиста со стороны? Может быть нужно рекурсивно моделировать моделиста, который моделирует моделиста,

моделирующего моделиста, ... Поможет ли? Вряд ли.

КРИТИКА МОДЕЛИЗМА

Эта часть является самой необязательной для прочтения. Написана она без привязки к проблемам сознания, с единственной целью немного попрактиковаться в критике концепции моделей. Как это обычно и бывает с умозрительными построениями, в них с неизбежностью появляются разнообразные умозрительные сомнения и возражения. Итак, проходим еще раз по трем пунктам свойств моделей из предыдущей главы.

(1) Отображение в реальность. Можно поинтересоваться: Если все, что доступно нашему пониманию – это модели, то что же тогда такое реальность? Вещь в себе? Куда мы собрались отображать наши представления? При этом и так непонятно, каким образом происходит это загадочное отображение из объектов, находящихся в нашем сознании в предметы и явления, существующие в окружающей реальности, а если еще и непонятно куда отображать, то желание что-либо отображать вообще пропадает. В философии существует течение конструктивизма, сторонники которого утверждают, что построенные модели и являются реальностью. Построенный конструкт – это все, что имеется в наличии. На первый взгляд достаточно абсурдное утверждение, ведь модели

находятся „внутри“, а реальность „снаружи“. Но, если некоторое время помедитировать над описанными выше проблемами, то конструктивистское решение начинает видеться не таким уж и плохим. И никакого отображения не нужно.

(2) Критерии хорошеи модели. Без критериев качества множество моделей начнет разрастаться как снежный ком и терять остатки смысла. Какими должны быть эти критерии? Наиболее очевидный критерий „соответствие реальности“ подвергается критике вместе с самой реальностью из пункта (1). Выгоднее смотрится критерий „соответствие наблюдениям“, но ведь наблюдения происходят не на пустом месте, за ними также стоят модели, причем не все из них являются явно осознанными. И это еще один вопрос – насколько критерии качества моделей бывают явно заданными, а на сколько определяются сторонними процессами, например социальными? Ну и наконец, некоторые философы утверждают, что модели вообще не стоит оценивать ни по каким критериям. Ведь сейчас неизвестно, что и когда может пригодиться.

(3) Улучшение и замена модели. Здесь можно было бы продолжить критику, начатую в пунктах (1) и (2), но, для разнообразия, рассмотрим вопрос улучшения и смены модели с другой стороны. Для более абстрактных теорий (таких, как квантовая механика или теория прерывистого равнове-

сия), в принципе, можно себе представить их замену на более удачные теории. Но как быть с менее абстрактными вещами, с тем, что называется фактами? Возможно ли принципиально улучшить или изменить на более удачное представление о том, что Волга впадает в Каспийское море? Да и с абстрактными теориями не все так однозначно. Затасканный пример о замене теории тяготения Ньютона на теорию Эйнштейна показывает, что замененная теория Ньютона не была забыта, а продолжает использоваться и быть более хорошей в своей области применения. Возможно некоторые теории имеют достаточно окончательный вид и, если мы столкнемся с инопланетной цивилизацией, то обнаружим, что у них тоже есть свой аналог представления о том, что все состоит из атомов и атом кислорода входит в состав молекулы воды.

Конечно, на приведённые сомнения можно ответить встречными высказываниями по всем трем пунктам и развернуть полномасштабную дискуссию, но мы этого делать не будем. Будем продолжать пользоваться концепцией моделей как достаточно хорошей моделью познания мира.

ГЕННАДИЙ

(ЭССЭ)

В рассказе Айзека Азимова «Последний ответ» человек по имени Мюррей попадает на тот свет и Голос свыше объясняет ему правила игры, согласно которым Мюррей должен теперь размышлять на всевозможные темы и генерировать новое знание. Хотя это высшее существо и очень умное, оно не в состоянии сразу охватить все бесконечные аспекты всего. Помощь любого разумного существа может быть полезной. Именно для этой цели и была создана Вселенная и возможность развития разумной жизни в ней.

Первой реакцией Мюррея на перспективу бесконечного искания нового знания, которая в данных условиях кажется ему (и совершенно справедливо) достаточно бессмысленным занятием, было желание найти окончательный, *последний ответ* на все вопросы. Окончательным ответом видится ему найти способ прекращения существования этого высшего существа? Это и будет окончанием бесконечного познания.

Вне зависимости от ценности найденного решения, это в первую очередь похоже на эмоциональную реакцию. Но вре-

мя проходит, как известно, эмоции утихают и все перекрывает быт и трудовые будни. Попытаемся пофантазировать и представить, как могла бы выглядеть эта бесконечная жизнь Мюррея.

Для начала, оглядимся вокруг и проведем инвентаризацию имеющегося в наличии. Конечно, может показаться, что кроме думающего Мюррея у нас больше ничего нет. Но это не совсем так. Все действие в рассказе происходит во времени. Время присутствует даже в явном виде – обсуждается, через сколько лет Мюррей начнет порождать новые значимые идеи. То есть, время имеется в наличии – а это уже не мало. Вполне можно было бы себе представить, что время привязано к материи и вне материи никакого смысла не имеет. С другой стороны, трудно себе представить процесс мышления вне времени. Так что, пока-что будем считать, что время имеется в наличии.

Следующим шагом предлагается для упрощения задачи переименовать Мюррея, например, в Гену.

Теперь, раз уж мы ввели время, надо из общих соображений добавить и пространство. Вопрос не простой. Если допустить наличие обычного физического пространства, то в нем с необходимостью представляются также и физические предметы. Таким образом тот свет постепенно превращается

в этот. С одной стороны это неизбежно. С другой стороны, если у нас уже есть обычное линейное время, то надо хотя бы пространству придать необычный вид. Тем более, что и Азимов в рассказе пишет, что понятие места там не имеет никакого смысла.

Если Гена может записывать свои мысли на каком-либо (пока-что очень абстрактном) носителе, то можно представить себе пространство текстов в качестве пространственной компоненты. Если нет, то остается существование в пространстве мыслей – это конечно совсем непонятная вещь. Поэтому для начала предлагается поселить Гену в пространство текстов. Пусть он не только думает, но и пишет и читает написанное. По крайней мере на словах такое переопределение пространства не требует больших усилий. Если мы попробуем таким же образом переопределить время, то заметим, что сделать это гораздо труднее. Можно взять за событие думание Геной одного слова. Время тогда – это, например, последовательность таких событий. Но, во первых, мы далеко не всегда думаем словами – существует, как минимум, еще и образное мышление, которое уже не так просто упорядочить. А во вторых, такая последовательность событий до неприличия похожа на наше обычное представление о времени.

Но так ли все просто в случае с переопределенным пространством? Как и в любых философских вопросах такого рода, ответ известен заранее – все совсем не просто. Начнем

с того, что и в самом рассказе Азимова встречаются достаточно странные высказывания о пространстве того света. Да, утверждается, что понятие «место» там не имеет смысла. С другой стороны, говорится о том, что душа Мюррея – это электромагнитная конфигурация, которая копирует состояние его мозга в конце земного существования. А представить себе электромагнитные волны вне обычного пространства-времени – это непростое занятие.

Но и наши идеи о переопределенном пространстве текстов не лишены тех же недостатков. Тексты должны быть доступны для прочтения – а это предполагает некоторый порядок, например, тексты могут быть упорядочены (сверху-вниз) по дате написания или по названиям. Внутри каждого текста есть свой порядок, причем как горизонтальный (с лева на право), например, для слов в предложении, так и вертикальный (сверху-вниз), например для различных параграфов и глав. Сами слова имеют разное количество букв – и здесь уже возникает понятие длины слова и, как следствие, понятие расстояния. Опять наша казалось бы разгулявшаяся фантазия приводит нас к знакомым формам земного пространства.

Небезызвестный Кант, говорил о том, что и пространство и время – это не сущности окружающего нас мира, а априорные категории нашего сознания. То есть, это не мир содержит пространство и время, а наше сознание, которое смот-

рит на мир через эти понятия и тем самым как бы навязывает их миру. В таком случае понятно почему наш Гена видит свое новое окружение в категориях привычного пространства-времени. В силу устройства своего сознания он просто не может воспринимать свое окружение иначе. Конечно, здесь есть и другие философские воззрения. Ну и хватит пока об этом.

Теперь, когда мы поговорили о среде обитания Гены, о пространстве и времени, о том ГДЕ все происходит, можно обратиться к вопросу, более явно связанному с сознанием – КТО живет? Т. е., кто такой Гена? Что нам о нем известно? Гена – мыслитель! Он умеет думать. Но, как мы видели, он также умеет проявлять эмоции. Похоже, как и в случае с пространством и временем, у нас при первоначальном рассмотрении получается обычный Гена с этого света. Причем в случае с личностью Гены не так просто переопределить какое-либо измерение его души, как мы это сделали в случае пространства, не изменив при этом саму личность Гены.

Рассмотрим, например, память. Помнить Гена обязан! Без наличия памяти процесс мышления также невозможно представить себе, как и без наличия времени. Вопросом является скорее способность забывать. Здесь, с одной стороны, считается, что время хранения долговременной памяти сравнимо со временем жизни человека. Однако, с другой стороны каждому сдававшему экзамен известен фено-

мен полного забывания выученного, которое наступает учившего уже через несколько недель после экзамена. Поэтому не совсем понятно, как должна выглядеть память Гены в вечности. Поступим так – пусть Гена будет способен забывать.

Заметим, что в случае, если Гена не будет забывать происходящее, то со временем массив накопленной на том свете информации сделает незначительно малыми воспоминания полученные в этой жизни и личность Гены изменится до неузнаваемости. В случае же, если Гена способен забывать, ситуация с гениной личностью еще печальнее. Поскольку речь идет о вечном существовании, то постепенно, со временем, он, одно за другим, забудет все события своей земной жизни и о прежней гениной личности тоже можно будет забыть. Для спасения гениной личности пойдем на хитрость – пусть он забывает только то, что происходит в вечности, а тот багаж, с которым он пришел в вечность останется неизменным. Конечно возникает вопрос: А зачем нам сохранять генину земную личность? Ответ: мы делаем это из чувства симпатии к Гене, а также из общих гуманных соображений.

Ну и наконец поговорив о вопросах ГДЕ и КТО, приступим к вопросу ЧТО – что будет делать Гена в вечности? Что же такое надумает Геннадий в вечности, если его оставить в покое и дать возможность думать, писать и читать написанное? Станет ли он писать мемуары или эссе? Будет ли он писать романы, чтобы потом, через тысячи лет, вернуться к за-

бытым текстам, перечитывая их отвлечься от своих неизбежных размышлений и погрузиться в выдуманный мир приключений и страстей? Может он станет писать книги в стиле фэнтези о битвах гоблинов и троллей? Или же он займется разработкой математических и физических теорий описывающих всевозможные варианты вселенных? А сможет ли он заняться, например, сочинением музыки? Почему бы и нет? Ведь он слышал голос высшего существа, да и свой голос тоже. Значит сможет, как минимум, петь песни если заскучает.

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Приведенные в этой книге рассуждения и сомнения касательно проблематики сознания могут показаться отчасти наивными или надуманными – и, в принципе, с этим даже можно было бы согласиться. Только интуитивно удастся почувствовать всю бездонность возникающих фундаментальных вопросов и всю невозможность зацепиться за что-нибудь в бесконечном хождении по замкнутым кругам, все время оставаясь ограниченными рамками сознания.

Похоже, что многие люди самых разных специальностей интуитивно чувствуют глубину этой проблемы. Даже специалисты далекие от темы сознания в своих основных исследованиях, в определенный момент начинают чувствовать потребность высказаться на эту тему. Конечно, для того, что-

бы рассуждать более конкретно, приходится ограничивать себя более частными, конкретными вопросами. Рассмотрим некоторые из них.

Первые кандидаты порассуждать на отвлеченные – это, конечно, философы. Количество тем, связанных с сознанием практически не ограничено. Об этом писали и древние, и продолжают писать наши современники. Несколько модных сегодня тем сразу бросаются в глаза. Так, например, рассуждается о природе ментальных объектов (так называемых, квалиа). Что такое наше ощущение теплого или наше представление о столе? Что вообще представленный образ или возникшая идея чего-либо или концепция или целая теория? Другой пример – почему мы чувствуем и осознаем? Почему физические процессы в нашем мозгу не происходят „в темноте“? Зачем нужно еще и осознание, чувствование боли, почему недостаточно просто прореагировать на нее на физическом уровне? Ну и конечно вопросы о соотношении ментального и физического всегда занимали философов, как соотношение между идеальным и материальным в классической философии и соотношение между сознанием и мозгом в современных исследованиях.

Также философы размышляют о феноменах понимания и значения. Станислав Лем пишет о проблеме „значения“, как о нечто таком по сравнению с чем детской игрушкой выглядят любые технические устройства, включая и те, которые

могут создавать новые миры. Философские течения, разрабатывающие концепции понимания и значения – это и герменевтика, и семиотика, и аналитическая философия. Аргументов и рассуждений там накоплено много, а способен ли компьютер что-либо понять по-прежнему не ясно.

Все эти вопросы для меня являются частными случаями вопроса о сознании в общем смысле. Они выгодно отличаются от общего вопроса относительной конкретностью постановки и понятностью формулировки. Появляется поле для конкретных дискуссий и теорий. Хотя ввиду отсутствия общего решения эти вопросы поднимаются вновь и вновь на каждом этапе развития человеческой мысли.

Своего рода полной противоположностью философам являются физики. Они строят конкретные математические модели конкретных явлений природы. Казалось бы, что субъективное сознание не должно попадать в сферу их интересов. Это явление высокой организации организмов и нервной системы, а не фундаментальное взаимодействие. К тому же оно на сегодня не очень то дружит с математическими моделями.

Однако некоторые физики со своей стороны чувствуют важность проблемы сознания и иногда их прорывает на высказывания. Вот что говорит космолог Андрей Линде по поводу волновой функции Вселенной: „в какой-то момент, ко-

гда вы осмысливаете всю Вселенную в целом, выясняется, что вы не можете сказать ничего осмысленного, не добавляя туда сознание. Если вы добавляете туда сознание, то возникает вопрос свободы воли... Без сознания свободы воли нет. Ни с учетом квантовой механики, ни без нее. Кажется, что мы имеем дело с чем-то очень-очень важным, о чём мы, в общем-то, не начали даже думать.“ Чувствуется, что ему неловко перед коллегами за этот пассаж – как бы, неприлично серьезному физику говорить такие философские слова, да еще ведущие непонятно куда, но и не говорить он не может. Наверное сама область космологии располагает к тому, чтобы забыть на время о принципе „shut-up and calculate“ и попытаться осмыслить происходящее. Эти размышления Линде – только верхушка дискуссий, ведущихся по поводу роли наблюдателя в квантовой механике и об интерпретациях того, что происходит в момент наблюдения.

Некоторые менее стеснительные ученые полагают, что сознание проживает не на уровне нейронов, а гораздо глубже – на уровне элементарных взаимодействий. Или даже бродят мысли о том, что окончательное осмысление сознания произойдет только при построении квантовой теории гравитации. Сознание необходимо связать не только со строением вещества, но и с сущностью пространства и времени.

Биологи – вот кто по своей специальности должны зани-

маться высокоорганизованными формами материи, порождающей разум и сознание. И они очень активно этим занимаются. Биологи и нейрофизиологи изучающие мозг признают, что на физиологическом уровне работа мозга уже очень хорошо изучена, однако как именно человек мыслит по-прежнему непонятно. Понятна химия и физиология на уровне отдельных нейронов. Можно проследить, как световой образ, попавший на сетчатку глаза, возбуждает цепочки сигналов в нервной системе, как эти сигналы передают, обрабатывают и раскладывают на составляющие поступивший образ, как в конце цепочки этот образ снова собирается в картинку. Единственное, что по признанию самих биологов так и остается непонятно – это самое интересное – кто в конечном итоге видит этот образ и для кого этот образ является образом.

В информатике одним из направлений исследования является создание искусственного интеллекта. Помимо практических задач о распознавании образов и речи, автоматического понимания и перевода текстов, обсуждаются также и общие вопросы: Способен ли компьютер понять текст в том смысле, в котором мы понимаем тексты? Можно ли смоделировать работу мозга искусственной нейронной сетью? О чем все-таки говорит тест Тьюринга? Здесь информатики тесно общаются с философами.

Это перечисление можно продолжать, добавить медиков,

изучающих пребывание человека в сознании, социологов, рассуждающих на темы социальных основ разума, в общем все то, что сегодня принято объединять под термином «когнитивная наука». Эти области активно развиваются и решают (лучше или хуже) задачи типа машинного перевода. Тем не менее появление общепризнанного искусственного разума, понимание физиологической сути сознания и мышления сегодня так же далеко, как и однозначное решение философских вопросов вроде природы ментальных объектов или сущности понимания.

В общем же случае сознание представляет из себя непонятно что. Оставаясь в рамках своего сознания трудно даже начать ставить осмысленные вопросы об общей природе разумного. Остается, пожалуй, только обратиться к интуиции. Немного помедитировав над темой сознания, начинает интуитивно казаться, что где-то в неподдающемся описанию, за пределами дурных рекурсивных нагромождений есть что-то очень глубокое – пожалуй самое глубокое и фундаментальное из того, с чем сталкивалась человечество за всю свою историю. С сущностью, с природой самой человеческой мысли и разума вообще, или же с самым большим надувательством, самой большой фикцией, с полной бессмыслицей всего, включая этот текст.

СЛОНЬ

(ПРИТЧА)

Представьте себе раннее утро, вы выходите на балкон и видите раскинувшееся перед вами бескрайнее поле залитое лучами восходящего солнца. Одинокие деревья то тут, то там возвышаются над равниной. И повсюду, куда не кинешь взор, бродят одинокие слоны. Вот это и есть «слонь». Вариант использования: «Какая чудная слонь за окном сегодня!».

* * *

Однажды ученик подошел к мастеру и спросил:

– Мастер, скажи, существует ли что-нибудь на самом деле? И если да, то зачем?

Мастер ничего не ответил. Ученик прождал весь день, всю ночь и весь следующий день. И вот, наконец, мастер посмотрел на ученика и сказал:

– Видишь вот эту палку?

– Да, конечно вижу! – С готовностью ответил ученик.

– А я вот совсем плохо видеть стал, старею. – Сказал мастер.

После этого он вновь замолчал. Ученик же продолжал непрерывно размышлять о словах мастера, но так и не смог ничего понять. Наверное поэтому он так и не стал мастером.

© В. Козюра, 2021